

Паутина противостояния

Автор:

Вадим Панов

Паутина противостояния

Вадим Юрьевич Панов

Тайный Город #15

Тайный Город...

Книги Вадима Панова позволили нам заглянуть в заботливо укрытую от посторонних глаз обитель потомков древних властителей Земли, что раскинулась среди огромного мегаполиса на берегах Москвы-реки. Множество древних тайн открылось изумленным читателям, но еще больше возникло вопросов. Например, куда подевался Ярга – старательно забытый герой Нави, после тысячелетнего изгнания безуспешно пытавшийся завладеть Тайным Городом? Об этом – в повести Вадима Панова «Паутина противостояния».

Вадим Панов

ПАУТИНА ПРОТИВОСТОЯНИЯ

ПРОЛОГ

Если хотите, чтобы все было «всерьез», – тщательно продумайте антураж.

Правило первое: не встречайтесь с клиентом в местах «обычных», не овеванных даже легким налетом мистики, однако избегайте штампов: кладбища и готические соборы, так хорошо зарекомендовавшие себя в прошлом, сейчас скорее напомнят о компьютерной игре, чем настроят клиента на нужный лад. Найдите оригинальный ход. Правило второе: всегда используйте морок. Даже если вы – вылитый Мефистофель. Проблемы ведь начинаются с мелочей: выпавшие ключи от машины, случайно извлеченный из кармана счет за квартиру, грязный носовой платок... Вся эта ерунда способна разрушить бизнес-проект, поэтому – морок, благодаря которому клиент увидит только то, что должен. И, наконец, правило третье: заранее спланируйте диалог, скрупулезно проработайте ключевые фразы и обороты, не перепутайте термины (у вас ведь не один клиент, правда?), не торопитесь переходить к делу, но и не затягивайте. Одним словом, ни в коем случае не позволяйте клиенту считать происходящее «привычным» мероприятием. И тогда даже такое приземленное дело, как сведение квартального баланса, покажется вашему партнеру таинственным, наполненным глубинными смыслами действием.

Собственно, в настоящий момент Косар Кумар как раз и занимался подведением финансовых итогов сотрудничества с одним из контрагентов. Не окончательных, разумеется, итогов, промежуточных. Клиент четыре месяца пользовался «дарованной потусторонним миром силой», и теперь пришло время платить по счетам.

– Господин президент, вы здесь? – робко осведомился Кевин, вглядываясь во тьму зала. – Мистер Вашингтон...

Молодому Кевину Хьюго Смиту Третьему Косар являлся под личиной первого американского президента – в буклях, камзоле, чулках и при шпаге. Артефакт морока, конечно, приходилось настраивать весьма тщательно, но что делать – так уж получилось. Третий Смит грезил политической карьерой, мечтал когда-нибудь обосноваться в Овальном кабинете, а потому, начитавшись какой-то ерунды, занялся попытками связи с духом кого-нибудь из отцов-основателей, надеясь получить подробную инструкцию по проникновению в Белый Дом. Способности к магии у Кевина присутствовали, а потому Кумар, случайно оказавшийся в Гарварде по личным делам, уловил жалкие потуги доморощенного медиума и взял Смита в оборот.

– Господин президент...

– Иду, иду. – Косар где-то читал, что Вашингтон был сварлив. Может, конечно, речь шла и не об этом президенте, однако Кумар не видел ничего дурного в том, чтобы привнести в общение с клиентом немного подлинного шасского духа. – Я здесь.

– Здравствуйте, господин президент! – со всем возможным почтением произнес Смит Третий, таращась на возникшую из ниоткуда фигуру, испускающую приятное глазу голубоватое сияние.

– Ага. – Косар демонстративно огляделся. – Приветствую тебя, юноша.

Местом встреч Кумар назначил читальный зал библиотеки Гарварда. Шасу нравилось, как зажженные наивным Кевином свечи пытаются осветить высоченное помещение, как теряются отблески огня, не дойдя до сводчатого потолка, как порождают они причудливые тени – результат сражения света и тьмы.

– Я вижу, с момента нашей последней встречи ты сильно продвинулся на пути посвящения.

– Я старался, господин президент, – благоговейно ответил Кевин.

– Старание может поднять тебя очень высоко, – невнятно пообещал Косар.

– Спасибо, господин президент.

– Не за что, юноша, не за что.

Способностей Смита Третьего хватало лишь на мизерный морок. Максимум, что он мог, – стать невидимым на десять-пятнадцать минут, после чего терял концентрацию и возвращался к нормальному облику. Дар свой Кевин использовал без особых затей – сделался завсегдаем женских раздевалок, устроил пару каверз нелюбимым сокурсникам, вот и все. Кумара это вполне устраивало: что может быть лучше, чем иметь в клиентах безобидного и платежеспособного паренька? К тому же психологический портрет Смита Третьего гарантировал, что юноша никогда и никому не расскажет о своем даре, предпочитая упиваться тайной властью и «дергать за ниточки», оставаясь в

тени.

– Ты вызвал меня сегодня... – Кумар поднял голову и посмотрел на ущербную луну, заглянувшую в стеклянный купол библиотеки. – Ты не дождался обычного времени...

– Я теряю силу, господин президент, – торопливо сообщил Кевин.

Естественно, теряет. Магическая энергия, которую Косар вливал в Смита Третьего при встречах, имела свойство заканчиваться. Но для получения новой дозы пареньку требовалось предоставить нечто более весомое, чем почтительность, дюжина свечей и блюдо с водой. Четыре месяца – долгий срок.

– Э-э... – протянул Кумар.

Сообразительный Смит понял сомнения «духа» и достал из рюкзака нечто, завернутое в черную замшу.

– Я принес то, что вам нужно, господин президент.

– Разверни, – спокойно, несмотря на то что его так и подмывало вцепиться в добычу, приказал Косар.

И с трудом сдержал радостное восклицание, когда увидел золотой, украшенный драгоценными камнями маршалский жезл. Улучшенная копия тех, что вручал своим военным какой-то из французских Людовиков. Совсем неплохая цена за четыре «батарейки» с магической энергией Колодца Дождей.

«Шестьсот процентов чистой прибыли! Тархан, я тебя сделал!»

Кумар давно хотел стать лучшим контрабандистом Тайного Города, однако до сих пор не мог подцепить на крючок действительно жирного клиента. Теперь же, благодаря богатенькому Смигу Третьему, мечта на глазах превращалась в реальность.

– Да, юноша, это то, что нужно. – Дух Джорджа Вашингтона с достоинством принял дар и велел: – Протяни вперед левую руку и закрой глаза!

Кевин с готовностью послушался. И едва вздрогнул, когда его коснулись холодные пальцы «духа».

– Узрите сего достойного юношу, – высокопарно произнес Косар, не отрывая взгляд от жезла. – Узрите сего отрока, честно идущего по пути посвящения. Узрите! И дайте ему силу...

«Батарейка», что пряталась в правой руке Кумара, стала разряжаться, отдавая магическую энергию Смиту Третьему. Процесс сопровождался болезненным покалыванием в пальцах – Косар намеренно добавил этот штрих для усиления эффекта, – однако Кевин стоически терпел боль.

– Ты чувствуешь силу?

– Да...

– Какая забавная церемония!

Косар вздрогнул и резко обернулся, не забыв накинуть на Смита Третьего дополнительный морок, чтобы парень не увидел внезапно возникшего гостя.

Нава. А если быть точным – типичного нава: длинного, худощавого и темноволосого. Облаченный в черный костюм, черную же сорочку, черный галстук и черные туфли, то есть почти сливающийся с библиотечной тьмой, пришелец стоял в четырех ярдах от Кумара и весело разглядывал тщательно выверенную мизансцену: свечи, блюдце, голубоватый дух Вашингтона и застывшего в радостном упоении Кевина.

– Вы заблудились? – кисло осведомился Косар.

– Нет.

– В таком случае не мешайте работать.

– А во сколько вы заканчиваете? – иронично осведомился нава.

- Не ваше дело! Вы совсем совесть потеряли в своей Цитадели!

Косар изо всех сил старался показать, что воспринимает неожиданный визит лишь как досадное недоразумение. Однако в действительности шас понял, что за птица явилась в библиотеку. Понял и обругал себя за то, что не послушался Сантьягу...

- Нужно поговорить, - жестко бросил нав. - Сворачивай аттракцион!

- Конечно, поговорим, - недовольно ответил Косар. - Как только закончу. А этот аттракцион, между прочим, принесет Темному Двору приличную сумму в виде налогов.

- И не делай лишних движений.

- Даже не думал.

- А о чем ты думал?

- Вот об этом, - вздохнул Кумар, демонстрируя наву жезл. - Дорогая вещь.

- И красивая, - презрительно поддакнул гость, намекая, что именно из-за нее шас и вляпался.

- Хотите посмотреть?

Косар бросил жезл сразу, не дожидаясь отрицательного ответа. Бросил мягко, как другу, и тем выиграл целую секунду.

Жест шаса, в котором напрочь отсутствовала агрессия, заставил нава поймать игрушку. И Косар успел активизировать портал. Спасительная «дырка жизни» явилась в полушаге почти мгновенно.

- Стой!

– Что происходит? – Ничего не понимающий Кевин распахнул глаза и увидел, как «Вашингтон» рыбкой ныряет в черную воронку. – Стойте!

– Идиот!

Секунда – это много, очень много. Окажись Кумар воином, он, вполне возможно, сумел бы ударить нава, пусть не убить, но выиграть еще немного времени, успеть уйти, но... Но драться шас не умел. И секундой распорядился бездарно – бросился в портал. А нав, не желающий упускать добычу и уверенный, что успеет отрезать неповоротливому торговцу путь к бегству, скомкал едва сформированный переход мощным заклинанием.

– А-а! – заорал Третий Смит.

Двенадцать свечей давали достаточно света для того, чтобы разглядеть все кошмарные детали происходящего.

Верхняя часть шаса исчезла в смятом портале, а нижняя осталась в Гарварде. Рухнула, обильно поливая библиотечный пол кровью.

Вопль Кевина превратился в истошный визг.

Нав же разочарованно отшвырнул в сторону жезл, посмотрел на останки, вздохнул и задумчиво пробормотал:

– И что я буду делать с половиной шаса?

* * *

– Вы наш разговор записываете или запоминаете?

– Нет никакой разницы.

– А вот не скажите! – оживился Схинки. Настолько оживился, что даже подпрыгнул на мягкой подушке кресла, едва не расплескав виски из зажатого в правой руке стакана. – Я рекомендую записать нашу беседу на видео, а после тщательно проанализировать мою богатую мимику. Данный подход поможет вам получить скрытые послания, которые я передаю невербальными способами. То есть бесловесно.

Сантьяга деликатно улыбнулся, однако этот невербальный способ отчего-то вызвал у собеседника приступ яростного неудовольствия.

– Вы напрасно смеетесь! Вот поверьте: совершенно напрасно. И меня, скажу откровенно, смущает, что вы относитесь к происходящему без должной серьезности! Это... это оскорбительно, в конце концов. Я чувствую себя ненужным, понимаете?! Я ощущаю себя... винтиком! Игрушкой ощущаю. Мягкой, теплой, пушистой игрушкой. А я...

– Поверьте, Схинки, все совсем не так, – перебил разошедшегося собеседника Сантьяга. – Наша встреча мне безумно интересна.

– Слова, комиссар, слова, слова, слова! Сколько видеокамер сейчас работает? Сколько операторов? Сколько аналитиков изучают мой профиль?! – Схинки на мгновение замер, давая возможность невидимым камерам взять крупный план. – Сколько?

– Я постараюсь лично уловить ваши невербальные знаки, – пообещал Сантьяга.

Схинки отхлебнул виски, причмокнул и уточнил:

– Постараетесь?

– Да.

Ответ прозвучал весьма и весьма твердо, однако Схинки не удовлетворил. Он с сомнением оглядел светлый костюм нава, выразительно поморщился, после чего поинтересовался:

– Не слишком ли вы самонадеянны?

– У вас будет возможность проверить это предположение, – невозмутимо произнес Сантьяга.

– Я предупредил.

– Я благодарен.

Схинки вновь расслабился. Развалился в кресле, забросив ногу на ногу, и, непринужденно поводя в воздухе стаканом с виски, объяснил причину проявленной настойчивости:

– Я хочу, чтобы между нами установились не просто рабочие, но в некоторой степени доверительные отношения. Нам ведь придется говорить о различных вещах... в том числе – о секретных. Согласитесь: открывать тайны симпатичному собеседнику гораздо приятнее, нежели грубому садисту.

– Я умею быть разным собеседником, – заметил Сантьяга.

– Я знаю, – махнул рукой Схинки. Сделал глоток виски, не торопливый, но быстрый, и продолжил: – Мне понравилось, что вы не начали с пыток. Знаете, некоторые считают, что любой разговор следует начинать с пыток. Чтобы, так сказать, сразу определить положение собеседников. А вот мне пытки не нравятся, есть в них нечто... – Он пошевелил пальцами. – Есть в них нечто безвкусное. Вы не находите?

– Доводилось испытывать? – с искренним любопытством спросил Сантьяга.

Для себя нав выбрал коньяк, потягивал его все это время и теперь добавил в бокал янтарной жидкости.

– Вы не ответили на мой вопрос, – заметил Схинки, наблюдая за манипуляциями собеседника.

– Я забыл.

– Надо же, беседа едва началась, а у вас уже проблемы с памятью. Это совершенно неделовой подход. Как, интересно, вы среагируете, если я забуду

что-нибудь важное?

- Я сумею вам помочь.

- Разумеется, с помощью пыток, - разочарованно протянул Схинки.

- Я знаком с весьма утонченными способами ведения диалогов, - скромно сообщил Сантьяга. - Они не оставят вас равнодушным.

- То есть вы считаете, что пытать можно стильно?

- Это требует соответствующих навыков. - Комиссар чуть приподнял бокал: - Ваше здоровье.

- Да... пока не жалуясь... - задумчиво протянул Схинки.

- А еще я обладаю ангельским терпением.

- Намекаете, что оно вот-вот закончится?

Ответа не последовало.

Схинки поерзал в кресле, затем налил себе еще виски и, без игры и надрыва, попросил:

- Угостите сигаретой?

- Эта фраза открывает вашу историю?

- Что? Нет. - Пауза. - История началась давно. Впрочем, вы и сами знаете, насколько давно... А та ее часть, которую я собираюсь вам поведать... - Схинки на несколько мгновений задумался. - Наверное, будет лучше начать с Нью-Мексико. Да, пожалуй - именно с Нью-Мексико. - Он поскреб грудь. - Бывали там?

- Доводилось, - кивнул Сантьяга. - Я люблю путешествовать.

– Дикая земля, конечно, хотя чем-то и очаровывает... Там есть дороги, которые, пес их знает, куда ведут и зачем нужны. Федералам на них плевать, местные власти о них позабыли, чтобы не тратиться на ремонт, и даже контрабандисты с полицейскими проезжают по ним крайне редко.

– Зброшенныя дарогы?

В гoлoce Сантьяги слышалось удивление. Судя по всему, комиссар Темного Двора ожидал любого начала, кроме этого. Какие еще дороги? Однако Схинки не дал сбить себя с мысли.

– Одни из них упираются в какие-то поселения или остатки поселений, или в какие-нибудь шахты. Другие выводят на федеральное шоссе, а третьи просто вялятся на солнце, смущая гремучек и койотов. И как раз на одной из таких дорог стоит бензоколонка Самуэля Вербы. – Глоток виски, прищуренные глаза... – Такое, знаете, до печенок прожаренное сооружение, хозяин которого больше торгует самогоном, нежели бензином, и охотно сдает грязные комнаты случайным путникам. За наличные, разумеется, сдает, потому что платить налоги старый Самуэль не умеет и учиться не собирается...

* * *

Стратегически бензоколонка Вербы располагалась весьма удачно. Она стояла посреди ровного, прямого, как галстук менеджера, участка дороги, виднелась издалека, и у водителей было время подумать: останавливаться или нет? А учитывая, что следующая заправка воняла бензином часах в двух езды на север, ответ чаще всего оказывался положительным. Правда, водителей в раскаленной глуши Нью-Мексико случалось не много, и похвастаться сверхдоходами старый Самуэль не мог.

Дощатый дом, к которому примыкали гараж и сарай, выглядел так, словно его воздвигли лет за пятьдесят до того, как полковник Дрейк выдавил из земли первый баррель нефти: потемневшие от времени стены, грязные окна и выцветшая вывеска «Verba Gas» казались идеальной декорацией к блокбастеру «Безнадежность», сцена первая – «Тупик». Однако сегодня депрессивный пейзаж «от Вербы» оказался дополнен ярким штрихом: золотистым «Порше Кайен» с затемненными до черноты стеклами и пижонскими дисками. Грязные

номера «Порше» едва читались, и вооруженному биноклем полицейскому пришлось помучиться, прежде чем он разобрал, что дорогая игрушка прикатила из Нью-Йорка. Записав с трудом добытую последовательность букв и цифр в блокнот, страж порядка вернулся в прохладный салон патрульной машины, ввел номер в компьютер и, узнав, что «Порше» в угоне не числится, задумался, рассеянно барабанив пальцами по рулевому колесу. О чем задумался? А это его дело. Появилась мысль, вот и задумался.

Сомнения терзали стража порядка минуты две. Затем он тихо выругался, завел двигатель и резко развернул машину, почему-то отказавшись от мысли проверить владельцев «Порше». Почему? А это его дело. Может, заторопился куда. Нью-Мексико штат непростой, здесь каждому найдется дело.

- Уехал? - негромко спросил Тео.

- Да, - кивнул Бруно.

Младший из братьев Луминар стоял у самого края окна и следил за полицейским, совсем чуть-чуть отодвинув грязную занавеску и уставившись в получившуюся щелочку спрятанным за солнцезащитным стеклом глазом, а потому страж порядка его не заметил. И лучи, что били в немытое окно, не причинили Бруно вреда. Закончив наблюдение, младший Луминар аккуратно задернул занавеску и вернулся за стол.

- Вот и хорошо. - Тео вновь наполнил кружку самогоном, - пойло пахло виски, однако вкусом не удалось, только градусами, - жадно хлебнул и повторил: - Вот и хорошо.

Не с облегчением повторил, а удовлетворенно: полиции Тео не боялся, просто связываться не хотел.

- Пицца ускользнула, а ты и рад! - коротко хохотнул Эрик Робене, третий гость древней бензоколонки.

- У тебя жажда ?

- Нет.

- Тогда о чем разговор?

Одежда мужчин, пьющих самогон в самой большой комнате дома, соответствовала дорогой тачке: куртки из кожи тонкой выделки, джинсы от известных портных, дорогие ботинки, однако долгое путешествие наложило на шмотки отпечаток. Левая штанина Эрика заляпана чем-то бурым, куртка Бруно порвана и кое-как заштопана, стекло золотых швейцарских часов, украшавших запястье Тео, пошло трещинами. Гости Самуэля явно знавали лучшие времена, и в пустынном захолустье они оказались отнюдь не из любви к «Земле Очарования».

Кому-то могло показаться, что машина и одежда украдены, однако более внимательный наблюдатель без труда заметил бы, что мужчины носили свои дорогие, но потрепанные вещи с привычной небрежностью и не видели себя в другой одежде.

- Не хотите связываться с полицией?

Проскрипевший этот вопрос Верба сидел в углу, в пыльном кресле, левый подлокотник которого слегка отошел в сторону; у ног старика дремал средних размеров койот. Гости вели себя по-хозяйски, однако Самуэль не выказывал по этому поводу никакого беспокойства. То ли знал, что ему ничего не грозит, то ли плевать хотел на возможные неприятности - старый он был, очень старый.

- Никто не любит связываться с полицией, - буркнул Бруно.

Эрик почесал затылок, подумал и решил дополнить двусмысленный ответ приятеля:

- Не дергайся, старик, мы наркоту не возим.

- Знаю.

- Знаешь?

– Я таких, как вы, уже видел... – с улыбкой протянул Самуэль. – Останавливались тут лет эдак... – Старик замялся. Койот поднял голову и зевнул. – Да, Франклин, правильно, лет эдак тридцать назад. Да... Тоже пили весь день...

Масаны переглянулись.

– Что значит «таких, как мы»? – поинтересовался Тео.

Нехорошо так поинтересовался, словно предупреждая, что развивать тему не следует, что сказано уже достаточно, а остальное лучше оставить за скобками. Однако Самуэль рекомендацию Луминара не расслышал или же оставил без внимания. Усмехнулся, провел ногой по спине вновь улегшегося койота и объяснил:

– Приехали перед рассветом, уехали после заката.

– Мы же сказали: хотим переждать жару, – угрюмо бросил Бруно. – Машина у нас не новая, боимся, что заглохнет в пустыне.

– Так я и не спорю. – Старик прищурился, отчего его выдубленное солнцем лицо стало похоже на скомканный бумажный пакет. – Может, пойдём в двигателе покопаемся? Подправим чего, чтобы ваша игрушка бегала шустрее, а?

– Может, и пойдём, – кивнул Робене. – Позже.

– Когда солнце зайдет?

– Надеешься увидеть закат? – осведомился Бруно.

– Почему нет?

– Язык у тебя длинный.

– Так я его распускаю только с теми, с кем можно, и только тогда, когда можно, – хмыкнул Самуэль. – Тридцать лет помалкивал, а теперь вот охота снова потрепаться.

– О чем?

– О вас.

– Зачем?

– Мне интересно.

Старик взял со стола бутылку, налил себе и протянул Тео. Тот не отказался, долил в кружку и передал самогон дальше.

– Я тогда руку порезал, – негромко продолжил Самуэль. – В машине их копался, ободрал – и в дом, перевяжите, кричу. Старший бинт достал, мазь какую-то, а тот, что с ним был, как только кровь увидел, аж затрясся. Ну, я и понял, что к чему...

Верба оборвал фразу на полуслове, и в комнате на несколько секунд повисла тишина. Ничего открыто не сказано, однако всем все понятно.

Бруно криво ухмыльнулся. Эрик передернул плечами, мол, я не хотел, но придется. А Тео поинтересовался:

– В сказки, значит, веришь?

– Сказки на пустом месте не рождаются, – неспешно отозвался старик. – Всему причина быть должна.

– А ты, старик, причины этой самой не боишься?

– Тогда испугался, а сейчас-то зачем? – Самуэль улыбнулся. – Не впервой.

Да уж, вот тебе и захолустье, населенное простыми, не видящими дальше собственного носа челами. Масаны переглянулись. Никого из них не дергала проклятая жажда, никто не собирался пускать кровь древнему Самуэлю, однако привычка хранить свое существование в тайне требовала хотя бы обсудить ситуацию.

– Зажжем факел после заката, – негромко предложил Робене. – Никто о старике и не вспомнит.

– Полицейский машину в бинокль разглядывал, – качнул головой Бруно. – Наверняка номер записал. К чему лишний хвост? И так следим.

Однако окончательное решение должен был принять старший из Луминаров.

– То есть ты знаешь, кто мы? – тяжело уточнил Тео.

– Я же говорю: встречал.

– Почему тебя не засушили ?

– Те масаны тоже сытые были, а на кровь паренек повелся, потому что молодой, – размеренно ответил Верб, после чего сделал большой глоток самогона, крякнул и вытер губы тыльной стороной ладони. В глазах старика появилась грусть. – Я, как все понял, просить стал: сделайте, мол, таким же! А они смеются. Выпили со мной да объяснили, где сказка, а где правда.

– Масаном нужно родиться, – негромко произнес Тео. – Мы не бывшие челы, мы – другие.

– Вот-вот, – кивнул Самуэль. – Так мне и сказали.

– Они себя назвали? – поинтересовался Бруно.

– Какая теперь разница? – опередил старика Эрик. – Ты ведь не собираешься догонять тех, кто проехал через эту дыру тридцать лет назад?

– Тихо!

Голос Бруно прозвучал с подъемом. Младший из масанов был самым «остроухим», за милую чуял магию, а потому среагировал на опасность первым. В следующий миг формирующийся аркан уловили Эрик и Тео, а спустя еще мгновение по комнате заплясал черный вихрь портала.

– Засада!

На ноги и в бой? А что еще остается?

«Остроухий» Бруно атаковал первым, у него ведь было на мгновение больше. Бросился вперед, закрывая друга и брата от появившегося противника, без замаха нанес удар появившимся в руке клинком, но промахнулся – пришелец оказался на удивление быстр. Бруно не растерялся, собрался прилипнуть к противнику, ухватить за руку или ногу, задержать, втянуть в вязкую борьбу, лишиться маневра... однако вывалившийся из портала мужчина был бойцом опытным и весьма крепким. Уйдя от Бруно, он изловчился нанести не успевшему развернуться масану удар в голову, и тот повалился без чувств. Вырубить вампира кулаком способны немногие, однако Эрик и Тео об этом не подумали – не до того было. Поняли, что Бруно падает, озверели и атаковали одновременно. Тео с ножом, а Эрик открыл пальбу. Вернее, попытался открыть, но пистолет лишь защелкал, не желая выбивать пули.

«Магия!»

Сблизившийся с врагом Тео пропустил два подряд удара и, повторив незавидную участь брата, стал оседать на пол. Эрик, наконец, понял, что дело принимает не плохой, а очень плохой оборот. Вариантов два: прыгать в окно, под солнечные лучи, на верную смерть, или... Робене использовал Превращение, растворился в туманную дымку, оставив после себя брякнувший о деревянный пол пистолет да ворох одежды. Собрался взмыть к потолку, надеясь отыскать щель и подняться под крышу, подальше от страшного врага, но не успел. Прозвучало короткое заклинание, и Эрик с ужасом понял, что его затягивает в бутылку из-под самогона...

– Очнулся?

Короткая фраза прозвучала вопросительно, однако уверенный тон не оставлял сомнений в том, что спрашивающий уверен в положительном ответе. Тео понял, что обманывать бессмысленно, открыл глаза, поморщился и сипло подтвердил:

– Да.

И кашлянул, прочищая горло.

– Поднимайся и присоединяйся, – велел незнакомец. – Мы как раз бутылку открыли.

Теперь, когда голову не туманила боевая горячка, масан понял, что на бензоколонку нагрязнул нав. Темные волосы, характерные скулы, запавшие глаза, уши... На вид их форма не отличалась от обычной, человеческой, однако острый взгляд масана разглядел едва уловимые линии на кончиках, малюсенькие хрящики: стоило наву по-настоящему разозлиться или впасть в бешенство, они приходили в движение, и уши принимали необычную, заостренную форму. Но самое главное заключалось в том, что Тео не чувствовал в собеседнике пищу. Не было у ночного охотника подсознательного ощущения, что в эту плоть неплохо бы запустить иглы, а значит, в жилах незнакомца течет тягучая, черная, как битум, и ядовитая для масанов навская кровь.

– Мы пьем?

– Пьем, – подтвердил нав. И, улыбнувшись, добавил: – За знакомство.

Справа раздался смешок. Тео повернул голову и увидел брата – Бруно сидел на диване, расслабленный, спокойный, безмятежно посасывающий самогон из железной кружки. Выглядел он так, словно никакой потасовки не было. Эрика и Самуэля не наблюдалось.

«Что происходит?»

Но ведь не спросишь, не задашь дурацкий вопрос, остается только догадываться, и первая пришедшая в голову мысль не радовала: победитель решил поиграть в кошки-мышки. Он ведь, мать его, темный! Заведет разговор о том, о сем, хлебнет вонючего пойла, наслаждаясь властью над поверженными вампирами, одним словом, подарит надежду на спасение, а потом, с шутками и прибаутками, перебьет всех.

«Напасть?»

Нет, уже пробовали.

Тео послушно уселся в кресло.

- Где Эрик?

- Ах да, Эрик! - Улыбка победителя перешла в веселый смех. - Полагаю, теперь он может к нам присоединиться.

Незнакомец поднял с пола бутылку, прошептал заклинание и вытащил пробку. Через несколько секунд посреди комнаты появился голый и смущенный Робене.

- Одевайся, - велел нав. Затем, не поморщившись, хлебнул вонючего самогона и прищурился: - Насколько я понимаю, вы двое Луминары, а ты - Робене. Так?

Смотрел незнакомец на Тео, ему и пришлось отвечать:

- Так.

- Остатки Борисова войска?

- Ага.

- Чем теперь занимаетесь?

- Догадайся, - мрачно предложил Луминар. Увидел чуть приподнявшиеся брови, понял, что нужно ответить подробнее и нехотя продолжил: - С тех пор, как эта сука Клаудия возглавила Бруджа, жизни вообще не стало. Слышал небось о ней?

- Римская Шлюха, - пробормотал застегивающий рубашку Эрик.

- Тварь, - добавил Бруно.

- Насколько мне известно, Клаудия взяла курс на консолидацию кланов, - припомнил нав. - Что похвально.

- И стала прижимать свободных охотников, типа, чтобы челов не напрягать, - уточнил Бруно. - Что полное дерьмо.

Незнакомец на него не посмотрел, четко давая понять, что собирается слушать только старшего из Луминаров.

– Сначала Клаудия взяла в договор самые мощные семьи, состряпала с ними коалицию, установила правила, потом подгрела кланы поменьше, а теперь выискивает одиночек, вроде нас, – с горечью поведал Тео. – Убедила кардиналов, что прежнее поведение ведет в никуда, а челы настолько изменили мир, что любая выходка может привести к раскрытию тайны и массовой резне...

– Если нас найдут ублюдки Римской Шлюхи, придется подписываться под правилами, – добавил одевшийся Эрик. – Или уходить к неприсоединившимся – в Южной Америке и Африке пока свобода. Но надолго ли?

– А нам припомнят, что мы служили Борису, – вновь подал голос Бруно. – Так что...

– Так что нам остается лишь гонять по континенту, высушивать зазевавшихся челов и смотреть в мотелях сериалы про вампиров, – подытожил Тео.

– И ждать, когда вас достанут ребята Клаудии.

– Верно, – спокойно подтвердил масан. – Все верно.

Они кривили душой, когда говорили, что им не простят службу у Бориса. Простят. Не вспомнят. Знаменитый кардинал Луминар контролировал большую часть Северной Америки, и чтобы наказать всех, кто ему служил, пришлось бы вырезать огромное количество масанов. Клаудия демонстративно перечеркнула прошлое, объявила, что будет строить отношения с чистого листа, и тем удержала континент от кровавой междоусобицы. Эрик, Бруно и Тео могли остаться в Нью-Йорке, но не захотели. Не смогли. Они не просто служили Борису, они насквозь пропитались духом последнего истинного кардинала Луминар, его философией, его идеями, и не смогли заставить себя принять жесткие правила Клаудии.

– Мы охотники, – тихо сказал Тео. – Мы свободны.

– Это наша судьба, – криво ухмыльнулся Бруно.

– У нас есть гордость, – закончил Эрик.

Страх, вызванный скоротечным и неудачным боем, ушел, теперь масаны смотрели на незнакомца спокойно. Ждали его решения, но четко давали понять, что со своего пути не свернут. Смерть, значит, смерть. Они к ней давно готовы.

– Мне нравится ваш выбор, – негромко произнес нав. – Вы готовы умереть, но остаться собой. – Он выдержал паузу. – Мне не помешали бы такие помощники.

«Помощники?!»

Масаны быстро переглянулись.

«Какого черта?» – Этот вопрос читался во взгляде Бруно.

«Что он задумал?» – Недоумевал Эрик.

– Кто ты? – осторожно поинтересовался Тео.

Незнакомец улыбнулся, но промолчал, давая возможность вампирам выдвинуть собственные версии. Каковых набралась одна.

– Ты – свободный нав?

– Что значит свободный? – не понял незнакомец.

– Не служишь князю.

– Ходили слухи, что в Москве объявился свободный нав, бросивший вызов Темному Двору, – объяснил Эрик. – Что знаменитая сплоченность дала трещину. Я не верил. Даже после того, как выяснилось, что навы объявили охоту на одного из своих.

– Никто не верил, – подчеркнул Тео.

Незнакомец оглядел застывших в ожидании объяснений масанов, после чего медленно и веско произнес:

– Сплоченность никуда не делась. Просто их теперь две. Одна старая, но скоро станет прошлой. Вторая еще более старая, и она станет будущей.

И масанам вдруг показалось, что не на бензоколонке сидят они, не в грязной комнате, а на дне холодного, наполненного тягучей Тьмой колодца. На самом дне. И беседуют они не с навом, нет, а с ней: с тягучей и холодной Тьмой.

– Кто ты? – хрипло повторил вопрос Тео.

– Ярга, – ответил нав так, словно это имя все объясняло.

* * *

– Ярга нанял трех бездомных вампиров? Вот уж действительно интересная, а самое главное – необычайно важная информация, – с иронией произнес Сантьяга. И поднял бокал: – Ваше здоровье, Схинки.

– Намеряете, что у меня, возможно, возникнут с ним проблемы? – Несмотря на смысл слов, в тоне Схинки не было беспокойства. То ли собеседник комиссара не опасался пыток, то ли понимал, что Сантьяга не прибегнет к ним в самом начале разговора.

– Я намекаю на то, что нужно промочить горло, – улыбнулся нав. – Только и всего.

– Вы разочарованы завязкой?

– Еще не знаю.

– Вот именно! – обрадовался Схинки. – Ведь часто бывает так, что занимательная и непредсказуемая история с головокружительным сюжетом начинается, как сонная сказка на ночь. В историю нужно войти, а не ворваться. Хорошая история не терпит суеты.

Схинки выдержал паузу и, поняв, что комментариев к его пламенной речи не последует, обиженно поинтересовался:

- Не хотите сказать, что во мне умер великий писатель?

- Зачем? - осведомился комиссар. - К тому же вы еще живы.

- Хотя бы из вежливости. Я слышал, вы необычайно хорошо воспитаны.

- Хорошие манеры несовместимы с лестью.

- То есть вы никогда и никому не лжете?

Сантьяга усмехнулся, диалог его откровенно забавлял.

- Ставите знак равенства между лестью и ложью?

- Разве его нет?

- Не всегда.

- Я понял! Вы не верите в мой талант литератора! - Огорченный Схинки расплескал виски, однако не обратил никакого внимания на испачканный ковер. - Так давайте я изложу свою историю письменно? Могу в эпистолярном жанре...

- Мне достаточно устного общения. - В черных, глубоко запавших глазах комиссара Темного Двора сверкнул огонек. - Мы и так отвлеклись.

Схинки выдержал короткую паузу, после чего пожал плечами:

- Ясно. - Помолчал еще пару секунд. - Извините за ковер.

- Я пришлю счет из химчистки. - Сантьяга сделал маленький глоток коньяка. - Продолжайте.

– Конечно, конечно... – Схинки почесал затылок. – Как вы понимаете, Луминары и Робене были не первыми и не последними масанами, вставшими под знамена моего господина.

– Разумеется.

– И господин сразу же отправил их на задание.

– Проверка преданности?

– Вы поступили бы так же, – махнул свободной рукой Схинки. – Кровь связывает лучше других оков.

– В чем заключалось задание?

– Нужно было кое-кого доставить на нашу базу.

– Уточните, пожалуйста.

Схинки прекрасно понимал, что комиссар обязательно потребует рассказать о задании подробно, а потому ответил практически сразу:

– Путешествуя по миру, мой господин не забывает выявлять магов. И тех, что работают по лицензии Тайного Города, и необученных самородков, которым продают магическую энергию ваши контрабандисты.

– Их мало, – заметил Сантьяга.

– Но они есть, – улыбнулся Схинки. – Вы не подпускали их к Тайному Городу, кормили сказками, тянули деньги и... готовили к тому, что однажды их отыщет мой господин. Ему, знаете ли, нужны помощники.

– Большинство из так называемых самородков слова доброго не стоит. Их уровень смехотворен.

– Зато они сделают все, что прикажет мой господин, – убежденно произнес Схинки. – Вас это не пугает?

– Меня ничего не пугает.

– Даже Ярга?

– Уже нет, – медленно ответил Сантьяга. – Теперь он должен меня бояться.

И прищурился, словно уже видел перед собой врага.

– У вас будет возможность обсудить эту тему, – тихо сказал Схинки. После чего продолжил в прежнем, развязном ключе: – С некоторыми самородками мой господин знакомился сразу, других просто отмечал, оставляя, так сказать, на будущее. Иногда устанавливал за ними слежку и, если приходил к выводу, что цель интересна, приглашал на разговор. Масаны получили задание доставить на базу одного из таких колдунов. Точнее – колдунью.

* * *

Тр-р-р... Тр-р-р... Тр-р-р-р-р...

Колесо трещало едва слышно, совсем чуть-чуть, однако в тишине кабинета звук казался оглушительно громким. И оглушающе зловещим.

Тр-р-р... Тр-р-р... Тр-р-р-р-р...

Колесо стояло в небольшом стеклянном ящике, ящик – на письменном столе, справа от Ярги, и не обратить на него внимания не было никакой возможности. Даже без оглушающего в напряженной тишине едва уловимого треска.

Тр-р-р... Тр-р-р... Тр-р-р-р-р...

Вместо белки колесо разгонял соответствующим образом отмасштабированный орангутан. Мокрый, задыхающийся и бесконечно жалкий в своем упорстве. Он едва держался, но продолжал торопливо перебирать лапами, изредка

оглядываясь на Яргу, и страх, читавшийся во взгляде обезьяны, делал бессмысленными разговоры о причинах удивительной стойкости рыжего страдальца. Орангутан получил приказ и не смел ослушаться.

Тр-р-р... Тр-р-р... Тр-р-р-р-р...

Когда масаны вошли в кабинет, орангутан уже путешествовал по замкнутому кругу, и судя по всему, путешествовал давно. Ярга поприветствовал вампиров сухо, пробурчал: «Вот стулья» и уставился в монитор, заставив гостей наслаждаться зрелищем настольной игры. Сначала масаны ухмылялись, потом задумались, а по истечении пяти минут Тео не выдержал:

– Ему нравится?

В этот момент смерть тяжело дышащего орангутана казалась неизбежной.

– Проняло? – ровно поинтересовался Ярга, не отрывая взгляд от монитора.

– Нет, – смутился Луминар.

Действительно! Какого черта беспокоиться о запертой в колесе животине? Есть дела важнее.

– В жалости нет ничего постыдного. Любому воину приходилось убивать из жалости. Или спасать своего, из жалости и сострадания, – с прежней невозмутимостью продолжил нав и тяжело посмотрел на Тео. – Главное, не позволить жалости высушить себя.

Высушить... оказывается, у этого слова есть иное значение. Или то же самое?

– Он наказан, – закончил Ярга.

– Почему-то я так и подумал, – пробормотал Тео.

– А я сразу сообразил, – захихикал Бруно. – Как только увидел, каким он теперь стал, так и сообразил.

Надрывающийся в колесе орангутан считался любимцем Ярги и свободно разгуливал по территории базы, смущая новичков и подворовывая по мелочи из комнат. Зверьком он был не маленьким, раза в полтора крупнее сородичей, и то, как обошелся с ним Ярга, указывало на тяжесть проступка.

– Он меня разочаровал, – равнодушно констатировал Ярга и без предупреждения перешел к делам: – Ваше первое задание будет необыкновенно простым. Необходимо доставить ко мне молодую женщину по имени Катарина Штейн. Вы не будете знать, в какой стране она живет, хотя, скорее всего, догадаетесь. Или спросите у местных, если вдруг заинтересуетесь...

Тр-р-р... Тр-р-р... Тр-р-р-р-р...

Масаны машинально скосили глаза на колесо. Интересно, краткий курс туземной географии способен вызвать у Ярги разочарование?

– В точке вы окажетесь порталом. Затем придется пробежать около пяти миль, я не хочу, чтобы Катарина почувствовала аркан. Затем захват и звонок по номеру, который указан в памяти телефона. – Ярга выложил на столешницу мобильный. – Затем я наведу портал на этот телефон, и вы вернетесь.

Неизвестно – откуда, неизвестно – куда. Свободный Ярга нав или нет, толк в безопасности он знал не хуже других обитателей Цитадели.

– Женщина – колдунья?

– Да, но не сильная. Она не обучалась в Тайном Городе, самородок... Я вычислил ее через контакты одного из контрабандистов магической энергии. Бедняжка пахла на жадного шаса, как проклятая.

Масаны переглянулись.

– Если о Катарине знает контрабандист, возможно, о ней знают и Великие Дома, – протянул Тео. – Нас может ждать засада.

– Может, – спокойно подтвердил Ярга.

– И?

– В этом случае вы умрете. – Тонкие губы нава разошлись в ухмылке. – Неужели вы думаете, что я брошусь на помощь ради похищения дохлой человеческой ведьмы?

Тр-р-р... Тр-р-р... Тр-р-р-р-р...

Кто хочет отказаться?

Тр-р-р... Тр-р-р... Тр-р-р-р-р...

– То есть ведьма слаба? – переспросил Эрик.

– Не сильна.

– В таком случае почему вы хотите привлечь ее в команду? – недоуменно спросил Робене.

– По той же причине, по которой привлек вас, – высокомерно ответил Ярга. – Еще вопросы?

Тео заткнул приятеля, сильно сжав его плечо, и жестко поинтересовался:

– Вы сказали, что бросите нас в случае опасности.

Человская ведьма интересовала старшего Луминара в последнюю очередь.

– Я сказал, что не стану рисковать ради дохлой колдуньи, – уточнил Ярга. – У меня нет привычки вытаскивать из неприятностей тех, кто проваливает первое, к тому же – пустяшное, задание.

– То есть в дальнейшем наши взаимоотношения изменятся? – осторожно продолжил Тео. – Мы сможем рассчитывать на поддержку в случае неприятностей?

– Хорошие помощники мне нужны живыми.

Тр-р-р... Тр-р-р... Тр-р-р-р-р...

– Хотя бы для того, чтобы колесо не пустовало.

– Я согласен с таким подходом, – пробурчал Эрик. – Тетка точно будет дома?

– Точно.

– Мы ее добудем.

Тео взял со стола телефон.

Бывает так, что люди, покупающие уютные домики в тихой, сонной деревушке, не вписываются в новое окружение, начинают вызывать неприязнь и даже более сильные чувства. Маленькие деревушки – они ведь только размером маленькие, а система взаимоотношений в них усложнена до предела, потому что – маленькие. Потому что все на виду. Потому что общаются друг с другом чаще, чем жители больших городов.

Стать «своим», ну, или «почти своим» в маленькой деревушке сродни подвигу, однако Катарине Штейн он удался. Помог мягкий, открытый характер. Доброжелательная девушка в течение двух дней перезнакомилась со всеми соседями и даже растопила сердце фрау Мюллер, старой вдовы, считавшейся главным деревенским проклятьем. Милые сувениры, что раздарила она соседям – «Я много путешествую по делам, и всегда везу что-нибудь на память» – заняли места в сервантах и на каминных полках. Ненавязчивая лесть – «Я наконец-то поселилась в месте, о котором мечтала с детства» – грела душу. Трагическая история – «Увы, мои родители погибли несколько лет назад» – вызывала жалость. Катарину приняли. Некоторые даже мечтали увидеть ее в невестках. И никого не смущали частые отлучки молодой женщины. Ведь она такая милая! У нее важная работа! Какая именно? Об этом никто не задумывался. И хотя все спрашивали Катарину, чем она занимается, обстоятельные ответы не задерживались в памяти. «Чем-то важным». «Кажется, она топ-менеджер». «По-моему, работает в министерстве иностранных дел». У всех жителей деревушки

было ощущение, что Катарина занимается чем-то законопослушным и весьма престижным, но никто не знал, чем именно. И не считал нужным обсуждать этот вопрос с соседями.

Велика, чрезвычайно велика сила правильно произнесенного доброго слова. Никакие «кольты» не нужны.

...Как и обещал Ярга, пробежать пришлось всего пять миль, даже чуть меньше – пустяк для славящихся выносливостью и скоростью масанов. Не запыхавшись, они вышли к дому Катарины на полторы минуты раньше запланированного времени. Остановились и одновременно – и одинаково – усмехнулись, разглядывая небольшое аккуратное здание с единственным освещенным окном, – почуяли запах пищи .

– Сидит в кабинете, – хмыкнул Бруно.

– Занимается страшными колдовскими делами, – поддержал шутку Эрик. – Готовит ужасы мирным соседям. Будет коров травить и покосы портить.

– Получается, мы убережем окрестных челов от смертельной опасности?

– Добрый хозяин должен заботиться о пище .

Тихие смешки растворились в пришедшем с Альп сумраке.

Тео зубоскальства перед операцией не одобрял, но замечания парням делать не стал, пусть расслабятся. В конце концов, все действительно идет так, как нужно. Портал построен далеко, засечь его ведьма не могла. Ошейники, что выдал Ярга, скрывали масанов от магического сканирования, нав гарантировал, что Катарина не узнает о появлении вампиров до самой атаки. Что же касается возможной засады...

«Им нужен Ярга, а не мы. И какой вообще смысл сторожить мелкую ведьму?»

Этими резонами Тео успокаивал себя все последние минуты.

– Идем?

Бруно улыбнулся. Эрик подмигнул. Тео кивнул.

– Бруно, к задней двери.

– Понял. – Младший растворился в темноте.

– Эрик, окрестности.

– Я помню.

Робене проследит, чтобы соседи ничего не услышали.

Сам Тео вложил полученный от Ярги дубликат ключа в замочную скважину, мягко повернул его, надавил на ручку и на мгновение замер.

«Засада?»

В следующую секунду отринув сомнения и шагнул в коридор. Тихо, никаких посторонних звуков. На вешалке легкий плащ и ветровка, у двери кроссовки и туфли. В зеркале отражается хмурый плечистый мужчина в кожаной куртке и широких джинсах. Откуда-то сверху доносится музыка.

«Все правильно, кабинет на втором этаже».

Боя Луминар не боялся, ему приходилось выходить победителем из драк с магами, но если Катарина успеет уйти через портал, неприятностей не избежать. Тео не хотелось крутить беличье колесо на потеху следующим новичкам базы.

В определенные моменты даже пустяшное задание становится сложным.

Из кухни вышел Бруно. Старший Луминар приложил к губам палец, а другой рукой указал вверх. Бруно понятливо кивнул.

Вампиры не спеша поднялись по лестнице, постояли, глядя на бьющую из-под двери полоску света, а затем, одновременно сорвав защищающие от сканирования ошейники, включили полную скорость.

Бруно выбил дверь. Не распахнул, а именно выбил: резкий удар и хруст ломающейся коробки ошеломит ведьму, подарит вампирам лишнюю секунду, а то и две, поэтому – выбил. А Тео в комнате, уже у письменного стола, над которым склонилась светловолосая девушка, уже наносит удар. Катарина завизжала. Бруно плотоядно ощерился. Тео ударил, но ведьма сумела уклониться. Продолжая визжать, повалилась на пол, закрывая голову руками, но ответить не попыталась.

«Соплячка!»

Бить девчонку Тео не стал. Схватил за волосы, повернул лицом к себе и дунул «пыльцой Морфея», отправив белобрысую в глубокий сон. Затем подхватил обмякшее тело на плечо и шагнул к выходу, на ходу вынимая полученный от Ярги телефон.

– Дверь запри.

– Пусть Эрик закрывает, – отозвался довольный брат.

* * *

– Ярга формирует команду? Ничего странного.

– Я вижу, комиссар, вас ничем не удивишь.

– Постарайтесь, – предложил Сантьяга. – Вдруг получится?

– А покурить дадите?

– Никотин необычайно вреден для здоровья.

– Увы, я пристрастился, – с грустью поведал Схинки.

- Хотите, мы вас вылечим? – оживился комиссар. – Я слышал, эрлийцы собираются испытать новый препарат. Он вводится непосредственно в...
- Ценю вашу заботу, но я, пожалуй, откажусь, – перебил нава Схинки.
- Не доверяете врачам?
- Не беспокою их без особой нужды.
- Вы травите себя, Схинки.
- Не так давно вы намекали, что здоровье может мне не понадобиться.
- Неужели вы не хотите провести последние часы жизни, ощущая себя бодрым и полным сил?
- Учитывая обстоятельства, я бы, пожалуй, выбрал сигарету.
- Возможно, если вы и впредь будете искренни, мы сможем вернуться к этой теме, – пообещал Сантьяга.
- Вы даете слово?
- Я строю предположения.
- Понятно... – Схинки взял со столика бутылку виски и принялся придирчиво изучать этикетку. – Все понятно... Между прочим, некоторые сорта виски немислимы без хорошей сигары.
- Не этот.
- Согласен, не этот. – Недовольный Схинки вернул бутылку на столик, секунду помолчал, а затем затараторил: – Вот вы говорите: будьте искренним, будьте искренним... А как я могу быть искренним, если не способен точно рассказать о следующих событиях? Я там не присутствовал и могу лишь догадываться, как все развивалось.

- Вы говорите...

- Я говорю о появлении персонажей, которых никто не ожидал увидеть.

- Они не могли не появиться, - улыбнулся Сантьяга. - Они всегда замешаны.

- Всегда мешают.

- Путаются под ногами, - уточнил комиссар. - Но, как правило, их вмешательство оказывается чем-то полезным. Впрочем, вам ли не знать?

Едва уловимая издевка в голосе нава заставила Схинки поморщиться.

- Поэтому вы их не уничтожили? Они полезны?

- Мы никого не уничтожаем, - неожиданно серьезно ответил Сантьяга. - Этим и отличаемся от вашего дрессировщика.

- Не в этом ли ваша слабость? Вы сквозь пальцы смотрите на шалости шасов-контрабандистов, благодаря которым в мире плодятся человеческие маги. Вы тащите за собой тупых осов, вы не трогаете красноголовых...

- Уничтожить легко, а вот ужиться сложно, - негромко произнес нав. - Ярга слишком долго отсутствовал, он не знает, через что нам пришлось пройти и что понять.

- Ладно, ладно... - махнул рукой Схинки. - Я просто хотел сказать, что в повествование вклинились варвары. Как и положено: дикие и необузданные.

* * *

- Что у нас на фворе, прифурки? - громко осведомился Кувалда.

Тишина.

– В молчанку играть взфумали?

Осторожные всхлипывания.

– Языки поприкусили? – начал заводиться Кувалда. – Фюрера не уважаете?! Сопли его превосходительству в лицо пускаете!

Всхлипы прекратились: Иголка и Контейнер поняли, что слезами вождя не разжалобить. Всхлипы прекратились, но и отвечать бойцы не спешили.

Встреча, если, конечно, текущему мероприятию можно было дать столь нейтральное определение, проходила в кабинете великого фюрера Красных Шапок, на самой вершине главной и единственной башни Южного Форта. Иголка и Контейнер стояли в центре комнаты, руки связаны за спиной, на лицах – следы вчерашнего дебоша и рвения бойцов уйбуя Трактора, которому Кувалда приказал доставить гуляк «на ауфиенцию». Одноглазый вождь вел разговор из кресла, многозначительно поигрывая кривым, как извилины Эйнштейна, кинжалом. Пахло переработанным виски и хорошо намыленной веревкой.

– Я в послефний раз спрашиваю: что у нас на фворе? – грозно повторил Кувалда и недружелюбно рыгнул в сторону подчиненных чем-то вчерашним.

– Куча мусора, – пискнул Иголка.

И тут же пожалел о содеянном.

– Ты умный? – Единственный глаз Кувалды принялся так буравить подавшего голос бойца, словно великий фюрер пытался выдавить из позвоночника Иголки нефть. Или газ. – Типа, ты эта... образованный?

– Никак нет, – поспешил развеять подозрения Кувалды Иголка.

– А какой ты?

– Дурной, – брякнул перепуганный боец, хорошо знающий, что этот ответ фюреру наверняка понравится.

– Оно и вифно. – Кувалда подумал и, проверяя заточку, нацарапал на столешнице короткое, но весьма неприличное слово. Кинжал оказался острым. – На фворе, тупые вы козлы и прочие животные, могутный кризис, устроенный жафными человскими банкирами. – Великий фюрер замолчал, изучая реакцию подданных на краткую лекцию по мировой экономике, увидел то, что ожидал: Иголка с Контейнером не прониклись трагизмом момента, и осведомился: – Перевести?

– Всем нужны деньги, – вздохнул прагматичный Контейнер. – А тебе, великофюрерское превосходительство, больше всех.

– Молофец, – расплылся в ухмылке Кувалда. – Вижу, вешаться не хочешь?

– Нет.

– Я тоже вешаться не хочу, – тут же обозначил свою позицию шустрый Иголка. – Лучше я тебе служить буду, великофюрерское высочество, чем вешаться.

– Правильно, – одобрил великий фюрер. – Но служить мне нафо... эта... как ево...

– Честно, – уныло подсказал Контейнер.

– Можно и так, – согласился Кувалда. – Смекаете, о чем я?

– Смекаем, – не менее уныло, чем приятель, отозвался Иголка. – Давно смекаем, великофюрерское величество.

Причина, по которой Иголка и Контейнер оказались на ковре гостеприимного Кувалды, была проста, как плохой коньяк: бойцы неприлично разбогатели. Причем настолько неприлично, что в настоящий момент их совокупное состояние раза в два превосходило богатство всей семьи, включая долговые расписки шасам и деривативы «Средства от перхоти». Разумеется, отнестись к такой ситуации спокойно великий фюрер не имел никакого права – подданные бы не поняли.

– Липкие пальцы человских банкиров сомкнулись на горле нашей свобофлюбивой семьи и уфушают ее ими кризисом, – высокопарно, но

несколько путано продолжил одноглазый. – Концы грозят профавать виски только по префоплате...

– И шасы тоже суки, – добавил Иголка, который понял, что политически верно винить во всех свалившихся на семью бедах липкопальцев чужаков.

– Шасы тоже суки, но не такие, – благосклонно кивнул Кувалда. – Наф шасами Темный Фвор стоит, типа, как я наф вами. Навы знают, что им в Тайном Горофе еще жить фа жить, а потому если шасы начнут свопами наглеть, или, там, сабпраймами какими, наввы их прифавят, как асуров, и буфут потом фруг у фруга спрашивать: вы шасов не вифели? А кто это? Вот так... – Великий фюрер отыскал на столе кусок газеты и принялся проверять остроту клинка с его помощью. – А человеческие банкиры политиками вертят, как эти... в цирке которые...

– Жонглеры? – подсказал Контейнер.

– Фурак ты, боец, а потому буфешь вешаться, – строго ответил Кувалда. – Фрессировщики, мля, это же всем ясно. Вертят, как фрессировщики.

Иголка верноподданно выкатил глаза, всем своим видом демонстрируя, что полностью разделяет недоумение великого фюрера: ну, где, скажите на милость, видано, чтобы жонглеры чем-нибудь вертели? Ясень пень, речь идет о дрессировщиках. Дурак Контейнер, редкостный дурак!

Однако на душе бойца скребли кошки.

Колоссальную добычу, которую Иголке, Контейнеру и Копыто подфартило извлечь из таинственного подземелья, дикари поделили поровну, на четыре части. Копыто сказал, что оставлять великого фюрера без доли тупо, небезопасно и пахнет виселицей. Сообразительный Контейнер согласился с уйбуем сразу, а вот скандальный Иголка попытался оспорить предложение, за что был бит до принятия согласия и едва не лишен доли. В конце концов, все образовалось. Бойцы спрятались на заброшенном складе и почти сутки увлеченно делили богатство, после чего продали оставшийся от разделки добра крупный изумруд человеческому барыге и закатили трехдневную пирушку в «Дворянском гнезде», плавно завершившуюся дебошем в «Средстве от перхоти». Вот тогда-то слух о внезапно разбогатевших Шибзичах докатился наконец и до великого фюрера – каждый из бойцов успел «по секрету» поведать

о свалившемся счастье как минимум десятку соплеменников, и Кувалда затребовал везунчиков к себе. Однако посланный Трактор обнаружил в «Средстве от перхоти» лишь Иголку и Контейнера.

- Мы будем противостоять кризису всеми доступными средствами, - твердо заключил великий фюрер. И в подтверждение своих слов воткнул кинжал в столешницу. - Понятно?

Связанные бойцы дружно сглотнули и дружно кивнули.

- Вот и хорошо. - Кувалда извлек кинжал из стола и повторил процедуру. - Тогда поговорим о средствах. Где они?

- Попрятаны, - вздохнув, признался Контейнер.

- Мы ведь не дураки такое богатство в Форт тащить, - поддакнул Иголка.

- Да уж, не фураки... - протянул Кувалда. - Где попрятаны?

- Трактора пошлешь? - поинтересовался Иголка.

- Сам поедем, - качнул головой одноглазый. - Такие дела контролировать надо, и контролировать сурово.

- Это правильно, - торопливо согласился Иголка. - Поедем вместе, и мы честно покажем, где сокровища попрятаны. Правда?

И ткнул Контейнера локтем.

Тот не очень хорошо понял замысел Иголки, но на всякий случай кивнул. Кувалда улыбнулся и согласился:

- Поедем...

Иголка расцвел. Он уже представлял, как вцепляется великофюрерскому превосходительству в глотку, желательно сзади, после чего хватает спасенное

богатство и бежит с ним подальше от Тайного Города... К примеру, в Крыжополь.

– Только я три фесятка бойцов с собой возьму, – добавил Кувалда.

– Зачем? – растерялся Иголка. – Они ведь тебя...

– Офну фесятку Фуричей, офну фесятку Гниличей и офну фесятку Шибзичей, – невозмутимо перечислил великий фюрер. – Межфу собой они точно не фоговорятся, и мы спокойно привезем наше богатство в Форт. Смекаешь?

Со стратегией у одноглазого вождя все было в порядке.

Иголка тоскливо вздохнул. Контейнер, который понял только то, что ничего не получилось, засопел.

Кувалда же нацарапал на столе еще одно неприличное слово, парное к первому, несколько секунд медитировал над получившимся сочетанием, а затем, словно вспомнив нечто крайне важное, громко поинтересовался:

– Кстати, а гфе Копыто?

– В натуре, Трактор наш дурак такой, что даже Спящему небось тошно, что он его выдумал, – продолжил Копыто, утирая губы после свежепринятого стакана виски. – Трактор, едва услышал, что меня доставить надо, дык сразу решил, что я уже товой – вешанный болтаюсь. Помчался в «Средство» радостный, как депутат, и давай тама топать. Ну, я и проснулся. Не сразу, но потом проснулся. Слышу, они в потемках шарят, и один другого спрашивает: ты Копыто узнаешь? А тот отвечает: конечно, мля, узнаю, он же великий герой, всей семье известный...

– Так прямо и ответил? – недоверчиво прищурился слушатель.

Уйбуй немедленно набычился:

– Я что, врать стану?

– Нет, я так не сказал.

– Тогда молчи ваще в натуре, а то рассказывать перестану. – Копыто плеснул себе еще виски и веско подтвердил: – Так и сказал.

В действительности посланные Кувалдой бойцы называли искомого уйбуя не «великим героем», а обидным и неприличным словом, даже несколькими словами, однако цитировать их случайному собутыльнику беглый Копыто не собирался. Как и все великие воины, он хорошо знал, что такое гордость.

– Короче, повезло мне, в натуре, что я у дверей у самых лежал, – вернулся к повествованию уйбуй. – Ну, не совсем у дверей, а еще сбоку, потому что мы вчера... – Он осторожно потрогал ссадину на левой скуле. – Мы вчера с корешем одним шутили сильно, и я тама остался потом. Эти дураки туда пошли, к бару, потому что у нас, когда деньги есть, все к бару рвутся, чтобы ничего не пропустить, а тама только Иголка с Контейнером валялись. А я тихонько за дверь прополз и того... – Копыто повертел в руке стакан с виски и неожиданно грустно закончил: – Эта... уехал, короче.

Залпом выпил и поправил съехавшую на затылок бандану.

Собеседники, притулившиеся за самым дальним столиком «Трех Педалей», были, мягко говоря, не похожи друг на друга.

Уйбуй Копыто из клана Шибзичей до вчерашнего дня считался правой рукой великого фюрера Красных Шапок, самым его доверенным помощником и главным вешателем. Сегодняшнее утро славный уйбуй встретил в роли диссидента и беглого каторжника, однако на его внешности перемена пока не отразилась. Невысокий, жилистый, похожий на агрессивного шимпанзе, Копыто был одет в черный кожаный жилет, кожаные штаны и грубые башмаки. Руки, шею и грудь дикаря покрывали многочисленные разноцветные татуировки, отчего казалось, что под жилет уйбуй напялил футболку с длинными рукавами. На лысой голове – традиционная красная бандана, а вот оружейный пояс с ятаганом и пистолетом пришлось оставить на входе: концы не пускали в заведения вооруженных посетителей.

Собеседником дикаря выступал молодой, лет двадцати пяти—тридцати, чел. Среднего роста, но очень худой, отчего смотрелся щуплым и, соответственно, не

опасным. Длинные, почти до плеч, темно-русые волосы представляли собой настоящую гриву, благодаря чему голова чела выглядела слишком большой для тощего тела. Лицо у парня было маленьким, узким, зато с богатой мимикой. Казалось, к примеру, что собеседник уйбуя не способен улыбаться только губами или только глазами – в движение приходили едва ли не все лицевые мышцы, собирались бесчисленные морщинки, и даже во время мимолетной улыбки на лице отражалась подлинная радость.

– Вот так, Сиракуза, я все потерял: славу, почет и положение в семье, – подвел драматический итог Копыто и распечатал очередную бутылку. – Пусть мой урок послужит тебе, в натуре, примером. Когда найдешь богатство...

– Я вот не понял, – мягко перебил дикаря чел. Парня звали Иваном, однако обитателям Тайного Города он предпочитал представляться псевдонимом. Ваня Сиракуза, начинающий наемник, мало кому известный и мало кого интересующий. – Ты какого хрена с фюрером не поделился? Понятно же было, что он тебя загнобит.

– Я хотел, – кивнул Копыто. – Даже долю припас.

– И?

– Забыл, – вздохнул уйбуй. – У нас ведь праздник получился по поводу, ну я и закрутился, в натуре. То, се, пятое, десятое, кругом голова навывлет пошла, вот и заблудился. – Порция виски отправилась по назначению, Копыто рыгнул и поправился: – Забыл, мля. Как Сусанин дорогу.

– Так позвони Кувалде, – предложил Сиракуза. – Объяснись.

– Теперя поздно, – качнул головой уйбуй. – Теперя он злой и все у меня отнимет, чтобы другим неповадно, в натуре. Чисто клин всюду, мля.

И пожевал соленых орешков, единственной закуски, украшавшей стол.

– А ты все отдавать не хочешь... – протянул Ваня.

– Жалко, мля, я ведь ради этого богатства шесть боевых големов! Вот этими руками... – Копыто недоуменно поглядел на сжавшиеся кулаки, после чего героически закончил: – Вот этими руками порвал семь боевых големов, мля. Такой подвиг псу под хвост, в натуре.

– Обидно, – согласился Сиракуза, сделал маленький глоток виски – он до сих пор тянул стакан, наполненный час назад, в самом начале разговора, – и поинтересовался: – Какие планы на жизнь?

– Нажрись, – односложно отозвался Копыто.

– Это не планы, – поправил дикаря Ваня. – Это список дел «на сегодня». Дальше что?

– Дальше меня кто-нибудь убьет.

– То есть все плохо?

– Скоро вообще никак не будет, ни плохо, ни хорошо.

Сиракуза выдал подходящую печальную гримасу, даже пробормотал что-то вроде: «Ну, ну... крепись», однако внимательный собеседник, то есть не Красная Шапка, обязательно бы понял, что парень крепко задумался.

Копыто же, в свою очередь, отвлекся на ближайший монитор, на котором демонстрировался очередной этап ралли.

– Так и знал, мля, что этот, с цифрами на боку, выиграет! Надо было поставить пару тысяч...

Упоминание о деньгах выдернуло Сиракузу из задумчивости так же быстро, как мышка – репку. Он подлил уйбую виски и негромко спросил:

– Получается, Копыто, у тебя сейчас половина того, что вы с приятелями добыли, так?

О количестве добра уйбуй не распространялся, однако Ваня понял, что речь идет о весьма и весьма приличной сумме.

- А тебе что? - грубовато ответил дикарь и машинально потрогал себя за пузо, где в обычное время болтался ятаган. Рукоять не обнаружилась, и уйбуй насторожился еще больше.

- Я спрашиваю...

- Иди в телевизор и там спрашивай.

- То есть помощь тебе не нужна?

- Я сам свои бабки потрачу, - пообещал Копыто. - Если успею.

- Бабок у тебя нет, - уточнил Сиракуза. - Только золото.

- И камни.

- А чтобы выжить, нужны деньги.

- Почему? - осведомился недогадливый дикарь.

- Потому что с деньгами ты - вжик! - и смотался, куда хочешь. А вот с золотом - вряд ли. Золото товар надежный, но чересчур недвижимый.

- Куда я хочу? - поинтересовался сбитый с толку уйбуй.

- Туда, где не повесят.

Мысль показалась дикарю любопытной, тем более что некоторое время назад он уже думал в этом направлении. Однако бегство в Крыжополь не казалось перспективным выходом, другие же маршруты уйбуй изучить не успел.

- А это где?

– Существуют такие места, – многообещающе ответил Сиракуза. – Но ехать туда нужно с деньгами...

– У меня есть золото и камни, – с готовностью поведал дикарь. И с уважением посмотрел на мощный коммуникатор, лежавший на столе перед челом. – Рисуй дорогу!

Ваня вздохнул, на мгновение на его лице отразились сомнения в задуманном. Однако уже в следующий миг он твердо продолжил:

– Копыто, я могу тебе помочь...

– Чисто по дружбе?

– Чисто за деньги.

Уйбуй насупился:

– Скока хочешь?

– Зарплата плюс проценты.

– За что?

– За работу.

– А что ты будешь делать?

– Давать дельные советы.

– А как я узнаю, мля, дельные они или поддельные?

– По результату.

– По чему?

Очередной глубокий вздох Сиракуза сумел подавить в зародыше. Общение с дикарем требовало куда больше усилий, чем представлялось, однако терпением Спящий Ваню не обделил.

- Слушай, Копыто, у тебя сейчас золото и камни, так?

- Так, - подтвердил уйбуй. - А еще Кувалда, сука, который меня повесить хочет...

- Не важно, - оборвал дикаря Сиракуза. - Если я помогу тебе продать золото и камни за правильные деньги, ты поверишь, что я - хороший советник?

- Я тебе золото не отдам, - отрезал уйбуй. - Я не дурак.

- Не нужно, - махнул рукой Сиракуза. - Я расскажу, как его продать, а заниматься этим будешь ты.

- А ты?

- А я, если у тебя все получится, стану твоим советником.

- За деньги? - уточнил Копыто.

- Верно.

Уйбуй поразмыслил, после чего кивнул:

- Говори.

- Ты не забудешь об обещании?

- О каком?

- Назначить меня своим советником.

- А-а... - Копыто потер уши, но поняв, что массаж память не укрепит, спросил: - Ручка есть?

– Э-э... – Сиракуза порылся в барсетке и протянул дикарю авторучку: – Есть.

Уйбуй важно снял бандану, расправил ее на столе и старательно изобразил на внутренней стороне надпись: «Сиакуса».

– Теперь не забуду. – После чего вернул бандану на голову, а ручку положил в карман жилетки. – Говори.

– Гм... – Ваня почесал подбородок, но требовать собственность обратно не стал. – Ну, слушай...

* * *

– Теперь покурить дадите? – с надеждой осведомился Схинки.

– Считайте отсутствие сигарет формой пытки, – несколько рассеянно отозвался Сантьяга.

– В таком случае, считайте мой рассказ формой сплетни, – пробурчал Схинки. – Чего только не наплетешь по пьяни...

– В конце беседы мы обязательно проверим вашу искренность, – пообещал комиссар.

– Я должен бояться?

– Вы должны быть правдивы.

– Вы уже просили об этом.

– Я не просил, я рекомендовал.

Схинки задумчиво почесал левое бедро, потом правое, покосился на стакан с виски, однако брать его не стал. Кивнул на картины, украшавшие стены кабинета:

- Ваши художества?

- Нет.

- Я так и думал. - И язвительно добавил: - Они слишком хороши.

- Ну, если даже вы их оценили, то спорить бессмысленно, - не менее язвительно ответил Сантьяга. - Холсты на самом деле великолепны. Их писал гений.

- Чел?

- Как вы узнали? - с искренним интересом спросил комиссар. - Многие считают, что это работы Алира Кумара.

- В картинах гениальных шасов есть мудрость поколений, за них играет опыт тысяч и тысяч лет, - ответил Схинки. - А в работах челов чувствуется молодость расы. Их эмоции подобны волнам - завораживают, но не проникают слишком глубоко... - Схинки ткнул пальцем в одну из картин: - Что вы думаете, глядя на нее? Что вы думаете сейчас?

Цунами, сметающее с лица земли маленький прибрежный городок. Энергетика разрушения била с холста силой колоссальной волны, впивалась в самую душу, холодила.

- Пытаетесь провести параллели с реальностью? - со спокойной улыбкой спросил нав.

- Пытаюсь сказать, что работы челов не глубоки, мы ведь говорим об искусстве, так? - Схинки вновь почесал бедра. - Им кажется, будто смерть - самое страшное, что может ожидать живое существо, а вы, якобы мудрые обитатели Тайного Города, идете на поводу у молокососов. Разделяете их незрелые эмоции.

- Вы сами сказали, что шасы пишут глубже, - заметил Сантьяга.

– Но в их основе та же ошибка! – Схинки схватил стакан с виски. – Вы хотели услышать правду? Вы хотели услышать даже самые незначительные детали? Пусть так. Услышите. Вы когда-нибудь смотрели порнографические кинокартины? Нет? А еще рассказываете мне о правдивости. Так вот, я недавно посмотрел одну занятную ленту... Возможно, мне попался не лучший образец жанра, но я отмечу, что фантазия сценаристов меркнет на фоне того, что Лая Турчи считала обыденным приключением. А еще ее заводила безнаказанность, которую могла дать только магия...

* * *

– Ты представляешь, что будет, если нас поймают? – Грим, широкоплечий, светловолосый, схватил Лаю за руку и притянул к себе. – Скандал!

Тон был веселым, а вот движение – излишне резким, выдающим беспокойство. Однако девушка не обиделась. Игриво прильнула к другу, словно сама хотела, чтобы он ее дернул, положила руку на крепкое плечо, хитро заглянула в глаза:

– Я думала, это заводит.

– Я...

Через тонкую ткань платья пышет жаром разгоряченное тело. Губы чуть приоткрыты и чуть дрожат, в глазах – знакомые искорки. Когда женщина в таком состоянии, ей нельзя отказать. Невозможно.

– Да, – коротко ответил Грим.

– Будет здорово!

Невысокая, смуглая, с короткими черными волосами и черными глазами, она была очень гибкой, подвижной, как белка. Широкоплечий Грим выглядел рядом с нею увальнем.

– Ты еще более испорченна, чем я ожидал.

- Тебя это заводит?

- Думаешь только об этом?

Вместо ответа Лая встала на цыпочки и жестко впиалась в губы друга. Поцелуй получился горячим.

- Я думаю об удовольствии. Об остром, очень остром удовольствии. - Она нежно укусила Грима в шею. - Об удовольствии сейчас.

- А последствия?

- Не будь занудой! Мы собираемся развлечься.

- Но...

- Они выходят!

Ее рука забралась под рубашку, пальцы пробежали по спине, и предвкушение накрыло Грима с головой. Он завелся и прошептал:

- Сделаем!

Скрипнула дверь, и на площадку вышла женщина лет сорока, за ней - мужчина. Обычная семейная пара, собрались за покупками или прогуляться. Увидев Грима и Лаю, не удивились, видимо, в подъезде частенько тискались влюбленные. Женщина демонстративно отвела взгляд, однако почти сразу вновь уставилась на Лаю. Заметила соскользнувшую бретельку: платье девушки опустилось, приоткрыв тугую смуглую грудь. В глазах женщины вспыхнула злость.

- Совсем обнаглели!

«Сейчас!»

Лая выхватила из-за пояса Грима пистолет:

- Ни с места!!

И нажала на спусковой крючок.

Заранее наведенный морок скрыл от соседей и грохот холостого выстрела, и визг перепуганной женщины. Грим распахнул едва успевшую закрыться дверь и затолкал мужчину обратно в квартиру. Лая - не менее жестко - женщину.

- Хотите жить - не вякайте!

Грим и его пленник уже в гостиной.

- Что есть?

- Стулья!

- Пожалуйста, не надо...

- Сойдет!

Грим грубо усадил мужчину на стул и принялся ловко вязать его скотчем.

- Я отдам деньги...

- Не трепыхайся и останешься жив. Мы не грабители.

- Я отдам...

- Готово!

- Иди туда, сука!

Оглушенная выстрелом, еще не пришедшая в себя женщина подчинилась резкому приказу Лаи.

- Садись!

Грим так же быстро связал хозяйку квартиры.

- Готово!

- У меня тоже!

Он повернулся. И задрожал.

От предвкушения. От желания.

Лая расположилась на скрипучем столе, небрежно скинув на пол скатерть и дешевую, «под бронзу», вазочку. Платье бесстыдно задрано, бедра разведены, манят откровенностью, доступностью. В правой руке – пистолет, а в глазах – пожар. Лая ждет, но не покорно – страстно. Яростная пантера. Запах ее нетерпения дурманит голову.

Зрители, которым предусмотрительно вставили кляпы, дружно выкатили глаза и замычали.

- Скорее...

Опьяненный желанием Грим подошел к столу, без слов – он знал, что сейчас Лая не хочет слышать слов, – расстегнул брюки и грубовато вошел в девушку. Он знал, что сейчас, именно сейчас, она хочет вот так – резко. По ее телу пробежала дрожь.

- Скорее!

Мычание зрителей совсем не походило на ритм, но им он и не требовался.

- Скорее!

Но Грим не торопился. Расстегнул на девушке платье, обнажив тугие смуглые груди с розовыми сосками, сдавил их, наклонился и поцеловал Лаю в губы.

- Скорее...

- Тебе понравилось?

- Это было... остро.

- Это значит - да?

- Да, - поколебавшись, ответил Грим. - Это значит - да.

- Хорошо! А то я подумала, что ты не расслабился... - Лая беззаботно потянулась, перекадилась к краю кровати и взяла с тумбочки бокал с вином. - Какие у них были рожи!

Сумасшедшая дура. Любимая. Отмороженная. Похожая на наркотик... Ее безумные выходки распаляли, погружали в какую-то новую, чарующую и пугающую реальность. Жестокие, яркие, сладкие, подлые... Грим никогда не думал, что способен на подобные безрассудства, а вот попробовал и втянулся. И как-то признался себе, что теперь не сможет без Лаи, что мир без нее окажется тусклым. В нем не будет огня, дарующего не тепло, но жар.

- А эта крашенная сука тарасилась так, будто никогда не видела настоящего секса! Ну, ничего, ей полезно!

Хозяева квартиры освободились через час после ухода парочки. Что они будут делать, ни Грима, ни Лаю не волновало. Возможно, постараются забыть случившееся, как страшный сон. Возможно, обратятся в полицию, но описание хулиганов не будет иметь ничего общего с настоящим обликом Грима и Лаи. И отпечатков пальцев в квартире не найдут. И других следов тоже.

Магия, черт бы ее побрал! Магия!

А довольные любовники продолжили свидание в спальне Грима.

- Что будем делать вечером?

- Потусуемся в «Ящеррице»?

- А что там сегодня?

- Танцы.

- Просто танцы? - удивился Грим.

Ответить Лая не успела - зазвонил телефон. Девушка вздохнула, явно не собираясь отвечать, однако, посмотрев на экран, поморщилась и, произнесла: «Тихо!», нажала кнопку:

- Да?

- Ты опять с ним? - ворчливо поинтересовался мужчина на том конце линии.

- Не твое дело, Манан, - ровно произнесла девушка.

- Он тебе еще не надоел?

- Почему ты все время лезешь не в свое дело?

- Ты - моя дочь.

- Но не твой голем!

Манан помолчал, затем примирительно произнес:

- Я не хотел ругаться.

- У тебя опять не получилось. Зачем звонишь?

- Скажи своему приятелю, что он мне нужен.

Странная фраза. Странная и совершенно невозможная.

- Неужели? – удивилась Лая. – Зачем?

- Он ведь наемник, так? Так. Я хочу его нанять.

- По-родственному? Со скидкой?

Пауза продлилась несколько секунд.

- Лая, прошу, не доставляй мне больше боли, чем уже доставила, – тихо попросил девушку отец. – Мне нужен наемник. Твой... приятель согласится подработать?

На этот раз помолчала девушка.

- Я спрошу.

- Спасибо.

Лая отключила телефон и с улыбкой посмотрела на Грима.

- Манан хочет тебя нанять.

- Шутишь?! – Наемник приподнялся на локте. – Я думал, он меня ненавидит.

- Именно поэтому мне интересно, захочешь ли ты работать?

Грим неуверенно пожал плечами.

- Зависит от того, что он предложит.

Лая прищурилась.

- Ты был прав: он тебя ненавидит. Его бесит, что я сплю с челом.

- Возможно, если я исполню контракт, Манан изменит свое отношение.

- Для тебя это важно?

Грим внимательно посмотрел на девушку.

- Для меня важна ты.

Долгий взгляд, долгое прикосновение. Лая давно призналась себе, что Грим тоже стал для нее наркотиком. Не говорила вслух, но призналась.

- Мне плевать на мнение Манана. - Черные глаза шасы не лгали - ей было плевать на мнение отца.

- Но ты расстроилась, когда он позвонил.

И это тоже было правдой.

- Я делаю то, что хочу, а он не должен вмешиваться в мою жизнь.

Голос прозвучал твердо, очень твердо, однако Грима столь категорическое высказывание не устроило. Он знал, что в глубине души Лая относится к отцу теплее, чем показывает.

- Мне кажется, тебе будет легче, если наши с Мананом отношения улучшатся, - мягко произнес наемник.

Лая поджала губы, провела пальцем по плечу Грима, прищурилась и, глядя любовнику в глаза, согласилась:

- Мне будет легче.

- В таком случае, я подпишу контракт.

- У тебя есть его номер. - Девушка поднялась с кровати. - Если что, я буду в ванной.

Потянувшийся за телефоном Грим замер. Посмотрел на ягодицы медленно идущей к дверям девушки и улыбнулся.

- Может, сначала я потру тебе спину?

- А у тебя получится? - не оборачиваясь, поинтересовалась Лая.

- Вот и проверим!

* * *

- Вы приводите весьма занятные подробности, Схинки, - чуть удивленно протянул Сантьяга. - Не ожидал.

- Они вас возбуждают?

- Мне любопытно, откуда вам известны столь пикантные детали взаимоотношений Грима и Лаи? - Комиссар поправил манжету. - От кого-то из них?

- Разумеется.

- Вы расспрашивали их настолько подробно?

- Мой господин предельно внимательно подходит к отбору помощников.

- Да, я заметил.

Однако выбранный комиссаром тон не понравился собеседнику.

- Не думаю, что в данном случае уместна ирония, - насупился Схинки. - Мы в самом начале беседы, вы еще многого не понимаете. А когда поймете, возможно, пожалеете.

- О том, что был ироничен?

– О том, что поняли.

Несколько секунд Сантьяга и Схинки смотрели друг другу в глаза. Жестко. Внимательно. Затем комиссар улыбнулся.

– В таком случае, прошу, продолжайте. Поразите меня.

– Для этого придется перепрыгнуть через пару эпизодов, и вполне возможно, вы потеряете нить повествования.

– Оно становится настолько сумбурным?

– Сложным.

– Меня не смущают путанные истории. – Сантьяга вновь взялся за коньяк. – Видите ли, далеко не все оказывающиеся в моем кабинете... собеседники способны сохранять ясное мышление. Я привык восстанавливать истину по обрывистым фразам, перемежаемым...

– Всхлипами? Стонами? Криками боли?

– Нет, – покачал головой комиссар. – Четко выстроенными предложениями. – Глотнул коньяка и скромно уточнил: – Мы ведь в моем кабинете. Здесь я разговариваю.

– Но я помню, как вы мне угрожали!

– Ни в коем случае, Схинки, ни в коем случае. – Глаза нава напомнили его собеседнику черные дыры: все притягивали, но ничего не отдавали. – Вы судите чересчур примитивно, оперируете лишь двумя понятиями, двумя цветами: черным и белым. А ведь богатство мира прячется в полутонах. В оттенках...

– Конечно, конечно, я всего лишь несчастный, плохо воспитанный Схинки, которому никогда не откроется подлинная красота. Я знаю.

– Вы в силах это изменить. Поступите в среднюю школу. Выучитесь на кого-нибудь. Прочтите пару книг, в конце концов.

– Возможно, потом. – Схинки забросил ноги на подлокотник кресла. – А пока давайте вернемся на базу...

* * *

– Ты такой холодный...

Это шепот. Едва различимый, прячущийся в губах, легкий, как дыхание, но страстный, обжигающе страстный. Горячий шепот о холоде.

– Ты выходил на улицу в одной рубашке?

Поздняя осень в Нью-Йорке – не лучшее время для прогулок без пальто. Даже для очень коротких прогулок. Она беспокоилась о нем.

– Покупал сигареты...

Он брякнул первое, что пришло в голову, что пару раз слышал от нее. А она и забыла, что он не курит. Вылетело из головы, поскольку все мысли вились вокруг желания.

– Плевать, что ты там делал...

Руки скользят по плечам, губы целуют холодную щеку, холодную шею, пальцы зарываются в короткие, густые волосы. Его дыхание становится прерывистым. Он тоже заводится. К тому же сегодня он впервые дал ей почувствовать истинную температуру своего тела. Потому что сегодня они занимаются любовью в последний раз. И эта мысль возбуждает больше, чем откровенность ее желания.

– Я хочу тебя согреть.

– Я тоже этого хочу.

Шепот, полный страсти и предвкушения. Шепот, живущий лишь в сумраке спальни. Шепот... и слова не важны. Они могут быть любыми. Это шепот самой любви...

- Ты специально пришел в мою постель таким холодным?

- Тебя это заводит?

- Обжигает...

Девушка закрывает глаза. Улыбается, прижимаясь к навалившемуся любовнику, проводит кончиком языка по пухленьким, нарисованным темно-красной помадой губам, левой, свободной, рукой сдавливает свою грудь... и вздрагивает.

- Ты...

- Нравится?

Девушка широко распахивает зеленые глаза - в них боль. Тело не лжет, тело кричит: боль! Смерть! Боль! Инстинкты пляшут кадрили, но разум... Разум зачарован жарким холодом объятий. Разум заставляет шептать:

- Мне нравится...

Разум приказывает глазам закрыться. И приказывает рукам обнимать холодное, как ярость викинга, тело любовника. Убийцы.

Наслаждение...

- Ты самый лучший... Бруно, ты слышишь? Ты самый лучший! А-а... - Боль или удовольствие? Что вызвало стон? - Я не знала, что кто-то умеет так любить...

Мужчина не отвечает. Он занят. Он слишком глубоко вошел, иглы погрузились до самых десен и уверенно тянут ее жизнь в его тело. Ему становится теплее. А она... она ничего не замечает. Сигналы тела становятся слабее. Тело сдаётся. Тело понимает, что погруженный в наслаждение разум забыл обо всем на свете. Даже о том, что тело умирает.

Тело умирает, а губы шепчут:

- Мне хорошо с тобой...

Она тихонько и счастливо вздыхает.

Он молчит.

Он не может ответить.

Ее глаза больше не откроются.

А ее лицо медленно тает, обращаясь в зыбкую дымку. Облако образов расплывается, открывая вид на дальнюю стену лаборатории...

Ярга усмехнулся и повел рукой, окончательно развеивая в ничто вызванное из глубин памяти младшего Луминара событие. Еще один штрих к портрету вампира.

- Любишь убивать романтично? Не ожидал, Бруно, не ожидал. Ты казался... - Подыскивая подходящее определение, Ярга перевел взгляд на молодого Луминара. - Ты казался менее извращенным.

Обнаженный Бруно был запечатан в пульсирующий розовый куб, который висел в воздухе рядом с Яргой. Тело масана отчетливо просматривалось через прозрачный материал, а голову окутывало плотное темно-синее облако, из которого призрачной дымкой поднимались заинтересовавшие нава воспоминания.

- Нравится вести себя красиво, но фантазии маловато. Эту черту характера можно использовать...

- Для чего?

- Для дела, разумеется.

Схинки вошел в лабораторию без приглашения, даже не постучался. Своим ключом открыл электронный замок, спокойно преодолел магическую защиту – контур «кольца саламандры» распознал своего – и уселся на металлический стул, насмешливо разглядывая масана.

– Муха в янтаре.

– Зачем притащился?

Однако подлинного раздражения в голосе Ярги не слышалось. Наоборот, казалось, что неожиданный визит обрадовал нава: пришел друг настолько близкий, что его появление всегда в радость.

– Три масана и девка, – сообщил Схинки. – Кто-то из них шпион Сантьяги. – Ткнул пальцем в Бруно: – Не он.

– Среди новичков всегда есть шпионы, – пожал плечами Ярга, медленно и очень тщательно разминая пальцы.

– Получается, Тео или Катарина?

– Получается, – подтвердил нав.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Ярга едва заметно улыбался, Схинки напряженно всматривался в его лицо. Потом сообразил.

– Ты не хочешь их оперировать!

– Не хочу, – подтвердил нав.

– Почему?

– Настало время изменить тактику, – объяснил Ярга. – До сих пор мы разоблачали шпионов и убивали их. Теперь же пришла пора для небольшой демонстрации.

– Не рановато?

– Собрался со мной спорить? – резко бросил нав.

Однако эта искренняя резкость не произвела на Схинки впечатления. В ответ он лишь удивленно поднял брови.

– А для чего ты меня держишь?

Ярга поморщился, отвернулся к Бруно, но через пару мгновений ответил:

– Не рано. В самый раз.

– Хорошо...

– Проваливай! Ты мешаешь.

Схинки послушно поднялся на ноги и направился к дверям.

– К тому же я не могу оперировать всех, – добавил нав.

Для этого нет ни возможностей, ни желания.

Процедура, которой Ярга подвергал некоторых своих помощников, требовала огромного расхода магической энергии и невероятных усилий. Длилась она недолго, от сорока минут до часа, однако выжимала досуха, на полное восстановление сил нав тратил до полусуток.

Тем не менее результат того стоил.

Ярга посмотрел на Бруно, усмехнулся, на этот раз жестко, после чего аккуратно погрузил руки в куб. Прохождение через розовое потребовало некоторых усилий, а вот темное облако приняло длинные кисти нава легко.

– Посмотрим, посмотрим... – Вниз Ярга не смотрел, наоборот, поднял взгляд вверх, к потолку, работал с головой Бруно на ощупь, но, судя по выражению

лица нава, все шло так, как он хотел. – Ага, добрался...

Розовое чуть потемнело: пребывающий без сознания масан попытался изогнуться, и субстанции, из которой был сделан куб, пришлось уплотниться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/vadim-panov/pautina-protivostoyaniya>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)